

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42+821.161.1–2

Г. А. Элиасберг

Речевые особенности Одессы в русско-еврейской драматургии 1900–1910-х гг.

В статье рассматриваются пьесы русско-еврейских литераторов, отразившие особенности многонациональной Одессы начала XX в. и так называемый «одесский язык», проблема которого была поставлена писателем В. Дорошевичем в середине 1890-х гг. Активное включение литераторов южнорусской школы в общероссийский культурный процесс обусловило вхождение одессизмов не только в общеупотребительное просторечие, но и в литературный русский язык. В статье продемонстрированы приемы передачи городской полиглоссии в пьесах Л. Кармена, С. Юшкевича, Б. Е. Писаревского, Я. Г. Соснова. Особое внимание уделяется анализу 5-актной стихотворной пьесы Вл. Жаботинского «Чужбина» (1908), рассказывающей о революционных событиях 1905 г. в Одессе, где мастерски отражено своеобразие речи представителей разных социальных слоев, культурных и национальных групп, воссоздан уникальный речевой портрет южного города на фоне важнейших исторических событий XX в. и идейных споров эпохи.

Ключевые слова: язык города, драматургия, русско-еврейская литература, язык Вл. Жаботинского, Л. Кармена, С. Юшкевича.

G. A. Eliasberg

Peculiarities of Speech Patterns in Odessa in Russian-Jewish Drama in 1900–1910

This article is devoted to the plays by Russian-Jewish writers, reflecting the peculiarities of the speech patterns of multinational Odessa in early 20th century, and the so-called "the Odessian language" which was treated as problematic by Russian writer V. Doroshovich in the mid-1890s. Active involvement of the South Russian writers in the all-Russian cultural process allowed the entry of specific "Odessian words" not only in the vernacular, but also in the normative Russian literary language. The article demonstrates techniques of representation of Odessian urban polyglossia in the plays by L. Carmen, S. Yushkevich, B. Pisarevsky, Y. Sosnov. Special attention is paid to the analysis of the 5-act play in verse by Vl. Zhabotinsky "Chuzhbina" ("Foreign Land", 1908), depicting the tragic revolutionary events of 1905 in Odessa, where peculiarities of the speech patterns of different social, cultural and ethnic groups are masterfully reflected. The play creates a unique portrait of the southern city against the background of important historical events of the 20th century and ideological disputes of the period.

Keywords: language of the city, playwriting (drama), the Russian-Jewish literature, the language of VL. Zhabotinsky, L. Karmen, S. Yushkevich.

В начале 1900-х гг. представители южнорусской литературной школы активно включились в общероссийский культурный процесс, одесская литература заняла видное место в ряду региональных литератур, отразив характерные особенности речи жителей многонационального портового города. Интересующая нас проблема так называемого «одесского языка» была поставлена практически одновременно с появлением самой одесской литературы в 1890-е гг. в одноименной статье писателя В. Дорошевича [8, с. 48–61].

В дальнейшем «одесский язык» нашел своего защитника в лице В. Жаботинского, который был и уроженцем города, и его певцом. Этот вопрос затронут в его статье «Моя столица» (Париж,

1931) [10]. Подчеркивая многоязычный характер города, Жаботинский напоминал о том, что именно в Одессе волжанин Горький нашел своего «полновесного человека» – босяка, однако бытописателем «дна», изобразителем жизни босяков и знатоком их языка был одессит Лазарь Кармен. Горький, в свою очередь, в известной статье «О языке» («Правда» от 18. III. 1934) назвал эту защиту «одесского языка» неудачной, сравнив этот «язык» с приспособлением русского языка к условиям украинского или кавказского окружения [6, с. 168]. Понятно, что в таком контексте идейной борьбы серьезного изучения этого языкового феномена длительное время не было.

Среди новейших социолингвистических исследований следует назвать монографию

Е. М. Степанова «Російське мовлення Одеси» («Русский язык Одессы», 2004), представляющую фонетические, лексические, словообразовательные, фразеологические и грамматические особенности речи одесситов [20]. Язык Одессы ученый рассматривает как разновидность исторически сложившегося городского койне в сопоставлении с нормами современного русского языка.

Особый интерес для нас представляет предложенная Е. Н. Степановым периодизация бытования русской речи в Одессе [20, с. 82–91]. Автор выделяет «четыре этапа функционирования одесского койне»: 1) 1790–1820 гг. – период формирования на основе взаимодействия русского и греческого языков и диалектов; 2) 1830–1890 гг. – период активного развития, характеризующийся ослаблением влияния греческого и усилением влияния идиша по мере роста еврейского населения; с 1860-х гг. ослабевала роль итальянского и существенно усиливалась роль украинского, польского, а также южнорусских диалектов; 3) 1900–1930 гг. – период внедрения одессизмов не только в разговорную жаргонизированную речь и общеупотребительное просторечие, но и в литературный русский язык. Этот период дал русской литературе писателей от И. Бунина и Вл. Жаботинского до И. Бабеля, И. Ильфа и Е. Петрова; 4) период от 1940-х гг. до современности – Е. Н. Степанов связывает с угасанием одесского городского койне под влиянием распространения современных СМИ, а также причин демографических, включая массовую эмиграцию еврейского населения. Наша работа будет специально касаться первого десятилетия «третьего периода» существования «одесского языка», по Степанову.

Кроме указанной монографии, особенности русской речи Одессы отражены в исследованиях Ю. А. Карпенко и его коллег, подготовивших 2-томный диалектный «Словарь русских говоров Одесщины» (2001), что продолжило традицию изучения южнорусской речи в целом, начатую в работах К. П. Зеленецкого (1855) и В. Р. Долопчева (1886), зафиксировавших речевые «неправильности» по отношению к литературной норме XIX в.

В сборнике «Одесса, одесситы, одесситки» (1895) В. Дорошевич демонстрировал узнаваемые городские типы и характерные «одессизмы» [8], многие из которых приводятся в «Одесских рассказах» (1911) Арк. Аверченко. Однако ранее речевой колорит жителей Одессы, евреев и неев-

реев, нашел отражение в произведениях русско-еврейских литераторов, начиная с юмористических рассказов Осипа Рабиновича, созданных в 1840–1860-е гг. [18]. В его «Истории о том, как реб Хаим-Шулим Фейгис путешествовал из Кишинева в Одессу, и что с ним случилось» (1865) упоминался особый «язык одесский», правда, здесь речь шла об идише, которым изъяснялся «просвещенный» щеголь и плут, обманувший провинциального простака. Функционированию субстрата идиша в рассказах О. Рабиновича посвящена статья В. Чернина [21].

С 1860-х гг. Одесса становится важнейшим центром еврейской (на иврите и идише) и русско-еврейской литературы, здесь публикуются первые периодические издания на русском языке («Сион» (1861–1862), «Рассвет» (1860–1861), «День» (1869–1871)), многие еврейские журналисты активно сотрудничают в русских газетах «Одесские новости», «Одесский листок», «Южное обозрение» [17, с. 218–219]. Молодые русско-еврейские литераторы С. Юшкевич, Л. Кармен и Вл. Жаботинский начали публиковаться в одесской печати в 1890–1900-е гг. В своем творчестве они стремились передать речевой колорит родного города, что нашло отражение и в их драматургических произведениях.

По общему признанию современников, знатком городского койне был Л. Кармен. В его сборниках «“Дикари” (из жизни обитателей Одесского порта)» (1901), «Жизнь одесских приказчиков» (1903) и в других рассказах часто приводятся пояснения отдельных слов и выражений, характерных для изображаемой среды. Среди нескольких пьес, созданных Л. Карменом, речевая специфика Одессы наиболее ярко представлена в одноактной комедии «Соловейчик и Воробейчик» (1916), изображающей редакцию газеты «Черноморский вестник», репортеры которой старательно описывают происшествия и городские скандалы, но редактор их безжалостно сокращает. «Боже, так высушить произведение. Сапожник, *лапацон!* Обязательно сделаю ему завтра ультиматум», – возмущается Воробейчик [12, с. 7]. Хотя вопрос об этимологии слова «лапацо(а)н» (проходимец, повеса) остается открытым, А. Астравух приводит его в словаре с пометой «украинское» [2, с. 483]. М. Л. Гаспаров отмечал его употребление в юмористическом стихотворении Саши Черного, который был уроженцем Одессы [5, с. 41]. Таким образом, пьеса Л. Кармена свидетельствует о бытовании этого слова в речи одесситов. Реплики посетителей

редакции, а также звучащие здесь греческие, русские, украинские и еврейские имена подчеркивают многонациональный колорит города.

На фоне дискуссий по национальному вопросу, обострившихся во второй половине 1900-х гг. после поражения первой русской революции, восприятие речевой специфики Одессы нередко отражало идейные позиции литераторов. Это ярко демонстрируют тексты А. Куприна и Вл. Жаботинского, опубликованные в 1911 г., в названиях которых присутствует слово «акация» – флористический символ города, где по распоряжению герцога Ришелье стали высаживать привезенные из Италии деревья.

Герой рассказа А. Куприна «Белая акация» раскаивается в том, что женился, поддавшись весеннему дурману акации, его раздражает «ужасный одесский язык»: «Жена моя говорит: “тудою”, “судою” и “кудою”. Она говорит: “он умер на чахотку”, “она выше от меня ростом”, “с тебя люди смеются”... и на мои поправки гордо отвечает, что одесский жаргон имеет такое же право на существование, как и русский» [13, с. 475]. Этот текст свидетельствует о двойственном отношении А. Куприна к «еврейскому вопросу».

Фельетон Вл. Жаботинского «Акация», напротив, пронизан любовью к родному городу: «Мне лично запах акации напоминает страшно много... Чудесное майское утро... я бегу в прогимназию узнать – как мы тогда выражались на милом тамошнем наречии – “или я принят в пригответельный”» [9, с. 501]. Здесь же автор приводит характерные примеры южнорусского говора своих друзей: «накарай меня бог!», «откагда», «схвался» и другие русифицированные украинизмы.

Переключка текстов Куприна и Жаботинского неслучайна, если вспомнить позицию каждого из авторов в дискуссии о «национальном лице» (1909), поводом для которой стал «чириковский инцидент» [23]. Незадолго до этих событий Вл. Жаботинский написал пьесу «Чужбина» (1908) о революционной Одессе 1905 г., показав остроту национальных и социальных конфликтов, отраженную в речевой полифонии южного города, что заметно отличает рассматриваемый текст от примеров его ранней драматургии [22].

Жанр этой стихотворной 5-актной пьесы автор определил как «комедия», что связывает ее с традицией русской драмы XIX в., подчеркивая близость к сюжетной ситуации знаменитой комедии А. С. Грибоедова (идейное одиночество героя, вернувшегося из дальних странствий, крах

его романтической любви). Рассказывая о волнениях, охвативших широкие городские слои Одессы – от портовых рабочих и студентов до простых обывателей, Жаботинский изображает сцены митингов и собраний, споры по социальным и национальным вопросам, тревогу предгрозных ожиданий и ужас массовых беспорядков. В предисловии к переизданию «Чужбины» (2000) М. Вайскопф отмечает: «...пьеса представляет собой уникальную систему социальных, национальных, политических “идеолектов”, с изумительной точностью и остроумием запечатлевших лексику, ритм того или иного слоя или группы» [3, с. 7].

Южнорусский говор с характерными для него фонетическими изменениями передается в монологах рабочего Степы и репликах дедушки Петро, недружелюбно рассуждающего о евреях: «У них *усе* иначе. Чудной народ... // *Шо* наши говорят – ой-ой-ой!» [11, с. 178] И даже сознательный Степа после выступления еврейского интеллигента Макара признается: «Реферат самый шиковый, с *понтом* (значит, с перцем), // Только вправду – вы *звините* – не *пекет* под сердцем...». Он мечтает о жожаке, с которым мог бы чувствовать внутреннюю связь: «*Та нехай себе он будет глупейший Макара, абы он та я – мы были как две капли пара ... Шоб степом от его пахло, Волгой для кацапов, // Шоб он нас само тым пыхом аж за кишки злавав...*» [11, с. 43–44]. В речи Степы звучит одесское выражение «*одскочь* на три *франдзоли*» (франзола – греческая булка) и имя кукольного персонажа Ваньки Рутютю вместо известного Петрушки [11, с. 154–155]. Через несколько десятилетий эти одессизмы Жаботинский приведет и в статье «Моя столица».

Анализируя поэтическую имитацию еврейской речи, М. Вайскопф пишет о новаторстве Жаботинского, сумевшего противопоставить трагедию исторической судьбы еврейства типичному приему уничижительно-юмористического изображения еврейских героев и подчеркивания неправильностей в их речи: «Удерживая в репликах... еврейский строй и акустику, Жаботинский впервые в русской поэзии придал этой водевильной традиции драматическое и торжественное развитие, предвосхитившее некоторые ходы Бабеля» [3, с. 8]. Это иллюстрируют монологи многих персонажей, например, «фабриканта» Менделя Квартала, которому забастовка грозит разорением: «И почему все стало навыворот, я уже не смею, а они *да смеют?* “*Ал-тиш алейу!*”...» [к]

не спрашивайте» – иврит]. В другом месте мать рабочего Эзры, сокрушаясь о вдовьей судьбе, вспоминает о прежнем достатке: «Когда у нас был заезжий двор, так наш дворник, бывало... когда увидит меня, так “*пани балабуста...*”» («хозяйка» – идиш) [11, с. 89].

Пьеса подавалась в цензуру в декабре 1909 г. под названием «Агасфер», но была признана «неудобной к представлению». Ее пересказ и несколько монологов под новым названием «Чужбина» были опубликованы в петербургском еженедельнике «Рассвет» (1910, № 13, 15–16). Однако Жаботинский отказался от передачи напечатанного тиража в продажу, не желая обострять конфликт с левыми партиями, о чем в сентябре 1910 г. сообщал А. В. Амфитеатов в письме к М. Горькому [1, с. 215]. Полностью пьеса была издана в Берлине в 1922 г. Таким образом, этот «одесский текст» пришел к читателям с существенным опозданием.

В то же время самым известным одесским драматургом 1900–1910-х гг., представившим широкому российскому зрителю образ южного города и развернувшуюся здесь социальную борьбу, был старший современник и земляк Вл. Жаботинского литератор Семен Юшкевич, пьесы которого шли в столичных и провинциальных театрах, нередко вызывая бурные дискуссии, доходившие до обвинения автора в антисемитизме. Обобщая отклики на его ранние пьесы («Голод», 1904; «В городе» и «Король», 1906), историк театра В. Левитина отмечала единодушные критиков, писавших о шокирующих интонациях и жестах актеров, смеси великорусского говора и утрированного жаргона: «...для театров была важна не социальная основа, а то, что считалось выигрышным в сценическом отношении – поверхностно понятый национальный колорит» [14, с. 151]. Это было характерно и для постановок его бытовых драм («Деньги», 1908; «Комедия брака», 1909; «Бес», 1913).

Анализ текстов пьес С. Юшкевича показывает, что в них мало идишизмов и южнорусских речевых оборотов, в основном они встречаются у второстепенных персонажей, подчеркивая их возраст или низкий социальный статус. Передавая речь одесских евреев, драматург использовал приемы повторения слов, употребления частиц «таки» и «же», предлогов «за» и «на» вне их нормативных сочетаний, демонстрировал нарушения в падежном управлении, а также употребление глаголов «иметь» и «делать» по модели их функционирования в идише. Например, в пьесе

«Голод» рабочий Мина произносит: «Сильные видят такой народ – сильные бьют по такому народу, и не рождается гнева, не рождается. Сердце ненавистью пьяно против своих жил... Возьмите это проклятое сердце, разорвите его, – я буду смеяться» [24, с. 51]. В драме «Король» на вопросы о забастовщиках портной Эрш отвечает: «Уже будут умирать, мадам Гросман! Они хотели болячек? Они теперь их имеют», «Кто-кто, а евреи заплатят-таки кровью за эти забастовки» [25, с. 88, 39]. Экспрессивный характер пьес Юшкевича, усиливавшийся при их сценическом воплощении, вызвал немало критики, в том числе со стороны М. Горького [7, с. 365–366].

Среди пьес, отразивших специфику многоязычной Одессы, можно назвать комедийные сцены «В камере мирового судьи» Б. Е. Писаревского (псевдоним известного одесского адвоката Бориса Ефимовича Шрайбера), герои которых – городские обыватели: торговка Митюхина, рассыльный Платон, адвокат Шпольский, плохо говорящий по-русски грек Ставрокаки, подавший нелепую жалобу на своего соседа Гриншпуна [16]. Этот же прием создания комического эффекта за счет речевых особенностей представителей разных народов и социальных слоев используется в комедийных сценах Якова Григорьевича Соскина (литературные псевдонимы – Я. Соснов, Онкль Жак и др.) «Перепутаница, или одесситы в гостях», «Двор», «Редактор», «В моментальной фотографии» [19].

В заключение отметим, что произведения русско-еврейской драматургии представляют интересный материал для изучения полигlossии Одессы и способов ее передачи в художественных текстах. Среди сочинений литераторов дореволюционной Одессы пьеса «Чужбина» Вл. Жаботинского остается самым ярким произведением, запечатлевшим уникальный речевой портрет города на фоне важнейших исторических событий и идейных споров эпохи. Особенности стихотворной организации «Чужбины» посвящено исследование Ю. Б. Орлицкого [15]. Подобно комедии А. С. Грибоедова [4, с. 196], в ее языке нашли отражение живая речь, литературная норма и художественные достижения русско-еврейской литературы за полувековой период ее развития. К осмыслению судеб своего поколения и описанию Одессы 1900-х гг. Вл. Жаботинский вновь вернется в автобиографическом романе «Пятеро» (Париж, 1936), ставшем подлинным литературным памятником его родному городу.

Библиографический список

1. Амфитеатров, А. В. Письмо к М. Горькому от 21 сентября 1910 г. [Текст] / А. В. Амфитеатров // Горький и русская журналистика начала XX в. Неизданная переписка / Литературное наследство. Т. 95 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1988. – С. 215–216.
2. Астравух, А. М. Ідыш-беларускі слоўнік [Текст] / А. М. Астравух. – Мінск : Медисонт, 2008. – 928 с.
3. Вайскопф, М. Предисловие [Текст] / М. Вайскопф // Жаботинский Вл. Чужбина (Пьеса). – М.; Иерусалим: Гешарим, 2000. – С. 5–14.
4. Винокур, Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи [Текст] // Винокур Г. О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика / отв. ред. Г. В. Степанов, В. П. Нерознак. – М.: Наука, 1990. – С. 196–240.
5. Гаспаров, М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях [Текст] / М. Л. Гаспаров. – М.: Фортуна, 2001. – 290 с.
6. Горький, М. О языке [Текст] / М. Горький // Собрание сочинений : в 30-ти тт. – Т. 27. – М.: ГИХЛ, 1953. – С. 164–170.
7. Горький, М. Письмо К. П. Пятницкому от 7 апреля 1905 [Текст] / М. Горький // Собрание сочинений : в 30 тт. – Т. 28. – М.: ГИХЛ, 1953. – С. 365–366.
8. Дорошевич, В. Одесса, одесситы, одесситки (Очерки, наброски и эскизы) [Текст] / В. Дорошевич. – Одесса: Ю. Сандомирский, 1895. – 240 с.
9. Жаботинский, Вл. Акация [Текст] / Вл. Жаботинский // Сочинения: в 9 тт. Том 1. – Минск, 2007. – С. 500–503.
10. Жаботинский, Вл. Моя столица [Текст] / Вл. Жаботинский. Causeries. Правда об острове Тристан да Рунья. – Париж, 1931. – С. 74–85.
11. Жаботинский, Вл. Чужбина (Пьеса) [Текст] / Вл. Жаботинский. – М.; Иерусалим: Гешарим, 2000. – 237 с.
12. Кармен, Л. Соловейчик и Воробейчик. Комедийка в одном действии [Текст] / Л. Кармен. – Пг.: Театральные новинки, 1916. – 8 с.
13. Куприн, А. И. Белая акация [Текст] / А. И. Куприн // Собрание сочинений : в 9 тт. – Том 5. – М.: ГИХЛ, 1972. – С. 472–478.
14. Левитина, В. «...И евреи – моя кровь»: Еврейская драма – русская сцена [Текст] / В. Левитина. – М.: Воздушный транспорт, 1991. – 343 с.
15. Орлицкий, Ю. Б. Особенности стихотворной организации комедии В. Жаботинского «Чужбина» [Текст] / Ю. Б. Орлицкий // Научные труды по иудаике: материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике / Центр «Сэфер», Ин-т славяноведения РАН / Академическая серия. Вып. 45. – Т. 1. – М., 2013. – С. 231–240.
16. Писаревский, Б. Е. В камере мирового судьи. Сцены в 1 д. [Текст] / Б. Е. Писаревский / 3-е изд. – Одесса: Тип. Бр. Л. и А. Гринберг, 1913. – 40 с.

17. Полищук, М. Евреи Одессы и Новороссии: Социально-политическая история евреев Одессы и других городов Новороссии. 1881–1904 [Текст] / М. Полищук. – М.: Иерусалим: Гешарим, 2001. – 448 с.
18. Рабинович, О. А. Сочинения О. А. Рабиновича [Текст] : в 3-х тт. / Осип Рабинович. – Одесса: Труд, 1880–1888.
19. Соснов, Я. Театр. Сборник одноактных пьес [Текст] / Я. Соснов. – Одесса: Изд. И. Я. Виницкого, 1916.
20. Степанов, Е. М. Російське мовлення Одеси: Монографія [Текст] / Е. М. Степанов ; под ред. Ю. Ю. Карпенка. – Одеса: Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова, 2004. – 496 с.
21. Чернин, В. «Многого реб Хаим-Шулим и не разобрал»: идиш как субстрат русского языка Осипа Рабиновича [Электронный ресурс] / В. Чернин // Лехайм. – 2006. – № 12 (176). – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/176/chernin.htm> (Дата обращения 10.02. 2014)
22. Элиасберг, Г. А. Ранняя драматургия Владимира Жаботинского: четыре одноактные пьесы 1902 г. («Ладно: картина из быта молодежи» и трилогия «Барышня») [Текст] // Г. А. Элиасберг / Научные труды по иудаике : материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике / Центр «Сэфер», Ин-т славяноведения РАН / Академическая серия. – Вып. 45. – Т. 1. – М., 2013. – С. 241–269.
23. Элиасберг, Г. А. Русско-еврейская драматургия и «Четыре статьи о чириковском инциденте» Вл. Жаботинского [Текст] / Г. А. Элиасберг // Жаботинский и Россия : сборник трудов международной конференции "Russia and Jabotinsky: Jabotinsky and Russia" / Ed. by E. Tolstoy, L. Katsis. – Stanford, 2013: Stanford Slavic Studies. – V. 44. – С. 129–152.
24. Юшкевич, С. Голод [Текст] / С. Юшкевич // Рассказы и пьесы. – СПб.: Изд-е Товарищества «Знание», 1908. – С. 1–111.
25. Юшкевич, С. Король [Текст] / С. Юшкевич // Собрание сочинений. Т. 7. – СПб.: Освобождение, 1912. – С. 3–108.

Bibliograficheski spisok

1. Amfiteatrov, A. V. Pis'mo k M. Gor'komu ot 21 sentjabrja 1910 g. [Tekst] / A. V. Amfiteatrov // Gor'kij i russkaja zhurnalistika nachala XX v. Neizdannaja perepiska / Literaturnoe nasledstvo. T. 95 / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. – M.: Nauka, 1988. – S. 215–216.
2. Astravuh, A. M. Idysh-belaruski sloŭnik [Tekst] / A. M. Astravuh. – Minsk : Medisont, 2008. – 928 s.
3. Vajskopf, M. Predislovie [Tekst] / M. Vajskopf // Zhabotinskij Vl. Chuzhbina (P'esa). – M.; Ierusalim: Gescharim, 2000. – S. 5–14.
4. Vinokur, G. O. «Gore ot uma» kak pamjatnik russkoj hudozhestvennoj rechi [Tekst] // Vinokur G. O. Filologicheskie issledovanija. Lingvistika i pojetika / отв.

red. G. V. Stepanov, V. P. Neroznak. – M.: Nauka, 1990. – S. 196–240.

5. Gasparov, M. L. Russkij stih nachala XX veka v kommentarijah [Tekst] / M. L. Gasparov. – M.: Fortuna, 2001. – 290 s.

6. Gor'kij, M. O jazyke [Tekst] / M. Gor'kij // Sobranie sochinenij : v 30-ti tt. – T. 27. – M.: GIHL, 1953. – S. 164–170.

7. Gor'kij, M. Pis'mo K. P. Pjatnickomu ot 7 aprlja 1905 [Tekst] / M. Gor'kij // Sobranie sochinenij : v 30 tt. – T. 28. – M.: GIHL, 1953. – S. 365–366.

8. Doroshevich, V. Odessa, odessity, odessitki (Ocherki, nabroski i jeskizy) [Tekst] / V. Doroshevich. – Odessa: Ju. Sandomirskij, 1895. – 240 s.

9. Zhabotinskij, Vl. Akacija [Tekst] / Vl. Zhabotinskij // Sochinenija: v 9 tt. Tom 1. – Minsk, 2007. – S. 500–503.

10. Zhabotinskij, Vl. Moja stolica [Tekst] / Vl. Zhabotinskij. Causeries. Pravda ob ostrove Tristan da Run'ja. – Parizh, 1931. – S. 74–85.

11. Zhabotinskij, Vl. Chuzhbina (P'esa) [Tekst] / Zhabotinskij Vl. – M.; Ierusalim: Gesharim, 2000. – 237 s.

12. Karmen, L. Solovejchik i Vorobejchik. Komedijka v odnom dejstvii [Tekst] / L. Karmen. – Pg.: Teatral'nye novinki, 1916. – 8 s.

13. Kuprin, A. I. Belaja akacija [Tekst] / A. I. Kuprin // Sobranie sochinenij : v 9 tt. – Tom 5. – M.: GIHL, 1972. – S. 472–478.

14. Levitina, V. «...I evrei – moja krov'»: Evrejskaja drama – russkaja scena [Tekst] / V. Levitina. – M.: Vozdushnyj transport, 1991. – 343 s.

15. Orlickij, Ju. B. Osobennosti stihotvornoj organizacii komedii V. Zhabotinskogo «Chuzhbina» [Tekst] / Ju. B. Orlickij // Nauchnye trudy po iudaike: materialy XX Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike / Centr «Sjefer», In-t slavjanovedenija RAN / Akademicheskaja serija. Vyp. 45. – T. 1. – M., 2013. – S. 231–240.

16. Pisarevskij, B. E. V kamere mirovogo sud'i. Sceny v 1 d. [Tekst] / B. E. Pisarevskij / 3-e izd. – Odessa: Tip. Br. L. i A. Grinberg, 1913. – 40 s.

17. Polishhuk, M. Evrei Odessy i Novorossii: Social'no-politicheskaja istorija evreev Odessy i drugih gorodov Novorossii. 1881–1904 [Tekst] / M. Polishhuk. – M.: Ierusalim: Gesharim, 2001. – 448 s.

18. Rabinovich, O. A. Sochinenija O. A. Rabinovicha [Tekst] : v 3-h tt. / Osip Rabinovich. – Odessa: Trud, 1880–1888.

19. Sosnov, Ja. Teatr. Sbornik odnoaknyh p'es [Tekst] / Ja. Sosnov. – Odessa: Izd. I. Ja. Vinickogo, 1916.

20. Stepanov, E. M. Rocijs'ke movlennja Odesi: Monografija [Tekst] / E. M. Stepanov ; pod red. Ju. Ju. Karpenska. – Odesa: Odes'kij nacional'nij universitet im. I. I. Mechnikova, 2004. – 496 s.

21. Chernin, V. «Mnogogo reb Haim-Shulim i ne razobral»: idish kak substrat russkogo jazyka Osipa Rabinovicha [Jelektronnyj resurs] / V. Chernin // Lehaim. 2006. № 12 (176). – Rezhim dostupa: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/176/chernin.htm> (Data obrashhenija 10.02. 2014)

22. Jeliasberg, G. A. Rannjaja dramaturgija Vladimira Zhabotinskogo: chetyre odnoaknye p'esy 1902 g. («Ladno: kartina iz byta molodezhi» i trilogija «Baryshnja») [Tekst] // G. A. Jeliasberg / Nauchnye trudy po iudaike : materialy XX Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike / Centr «Sjefer», In-t slavjanovedenija RAN / Akademicheskaja serija. – Vyp. 45. – T. 1. – M., 2013. – S. 241–269.

23. Jeliasberg, G. A. Russko-evrejskaja dramaturgija i «Chetyre stat'i o chirikovskom incidente» Vl. Zhabotinskogo [Tekst] / G. A. Jeliasberg // Zhabotinskij i Rossija : sbornik trudov mezhdunarodnoj konferencii "Russia and Jabotinsky: Jabotinsky and Russia" / Ed. by E. Tolstoy, L. Katsis. – Stanford, 2013: Stanford Slavic Studies. – V. 44. – S. 129–152.

24. Jushkevich, S. Golod [Tekst] / S. Jushkevich // Rasskazy i p'esy. – SPb.: Izd-e Tovarishhestva «Znanie», 1908. – S. 1–111.

25. Jushkevich, S. Korol' [Tekst] / S. Jushkevich // Sobranie sochinenij. T. 7. – SPb.: Osvobozhdenie, 1912. – S. 3–108.